

Николай Бердяев

**Судьба человека в
современном мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Б48

Бердяев Н.
Б48 Судьба человека в современном мире / Николай Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 66 с.

ISBN 978-5-458-03623-8

Николай Александрович Бердяев - русский философ-идеалист, еще при жизни ставший одним из наиболее популярных русских мыслителей, широко известным не только в России, но и в Западной Европе. В простой и ясной форме он выразил главные тенденции русской философии, зародившиеся в творчестве Чаадаева, славянофилов и Достоевского. В работах Николая Бердяева получило наиболее адекватное и полное выражение своеобразие русской философской традиции.

ISBN 978-5-458-03623-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Бердяев Николай
Судьба человека в
современном мире

Николай Бердяев
Судьба человека в современном мире
(к пониманию нашей эпохи)
ГЛАВА I. Суд над историей. Война

1

Моя книга "Новое средневековье"* была написана 11 лет тому назад, а книга "Смысл истории" 15 лет тому назад. В них я высказал свои историософические мысли в связи с наступлением конца целой исторической эпохи. Многое из того, что я говорил, подтвердилось, многое предвиденное мной сбывается. Но возникло и много нового, требующего осмысливания. И у меня явилась потребность написать как бы второй том "Нового средневековья". Еще острее ощущая я, что наступает для мира ночь и тьма, подобно тому как было в начале образования средневекового мира, до средневекового возрождения. Но в ночи светят звезды и возгорается свет. Стало банальным говорить, что мы живем в эпоху исторического кризиса, что кончается целая эпоха и начинается новая, еще не имеющая имени. Одних это ужасает, других радует, но все это говорят. В действительности то, что происходит, глубже происходит суд над историей, а не над одной из эпох истории. И в этом смысле мы живем в эпоху апокалипсическую, именно в этом смысле, а не в смысле скорого наступления конца мира. Существует внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира. Апокалипсис есть также откровение о событиях внутри истории, о внутреннем суде над историей. И это теперь совершается. Существование человека в этом мире историческое существование. Существование есть история. История же есть трагическое столкновение между личным и сверх-личным и до-личным. История никогда не разрешает конфликта между личностью и обществом, личностью и культурой, личностью и массой, между качеством и количеством. В ней действуют личности, в ней обнаруживается индивидуальное, но она беспощадна к личности и давит индивидуальное. История имеет смысл, признание смысла истории принадлежит христианству. Но история вместе с тем есть неудача человека, неудача культуры, крушение всех человеческих замыслов. В ней осуществляется не то, что задумал человек, и смысл происходящего в ней неуловим для человека. История никогда не стеснялась в средствах, которыми она действовала, она прибегала к каким угодно средствам для осуществления своих целей, которые слишком часто оказывались непонятными человеку и несоизмеримыми с его судьбой. Гегель учил о хитрости разума в истории. Хитрый разум обманывает человека для

осуществления своих целей. Приходится как будто бы сказать, что субъектом истории был не человек и даже не человечество, а нечеловеческий разум, нечеловеческий дух, который у Маркса превратился в нечеловеческую экономику[1]. История всегда работала для общего и универсального, а не для частного и индивидуального. Парадоксально можно было бы сказать, что человек проявил большое бескорыстие, согласившись на историю. Возможно, впрочем, что он был корыстен, вступив на путь истории, но история обманула его, превратив и корысть его в средство для осуществления своих нечеловеческих целей. Хитрость разума, против которой восстает живая человеческая личность! Человек был раздавлен историей, всегда был раздавлен. История была судьбой человека, но судьба человека никогда не интересовала историю. Несоизмеримость между историей и личной человеческой судьбой и есть трагедия истории, трагедия безысходная в пределах самой истории, требующая ее конца. Сверхличное никогда не осуществлялось в истории, как полнота жизни личности. И даже когда история ставила себе человеческие, лично-человеческие цели, она осуществляла их, давя человеческую личность. Гегель был как бы воплощением в мысли духа истории. И философия его была совершенно антиперсоналистической. Против Гегеля, против гегелевского универсального духа, обнаружившего себя в истории, восстали такие люди, как Киркегардт и Достоевский. Объективация духа в истории, которая так пленяла Гегеля, есть отрыв от внутренней тайны человеческого существования и переход в мир природно-социальный. В мире же природно-социальном даны объекты, но не даны "я" и "ты", т. е. мир человеческого существования[2]. "Неудача истории и есть не что иное, как трагедия несоответствия между существующим, человеческим, личным и всякой объективацией, всегда внеличной и внечеловеческой, антиличной и античеловеческой. Вся объективация истории - бесчеловечна и безлична. Человек принужден жить в двух разных порядках, в порядке существования, всегда личного, хотя и наполненного сверхличными ценностями, и в порядке мира объективированного, всегда безличного и к личности равнодушно. Человек всегда находится под угрозой, и часто смертельной угрозой, со стороны процессов, происходящих в истории. Он принужден чувствовать процессы истории как роковую, нечеловеческую силу, совершенно равнодушную к его судьбе, бесчеловечную и беспощадную. Такая бесчеловечность и беспощадность есть в истории образования государств и империй, в борьбе племен и национальностей, в революциях и реакциях, в войнах, в индустриаль-

но-капиталистическом развитии и процветании народов и государств, в самом образовании и развитии цивилизации. И, по-видимому, невозможно гуманизировать средства, которыми действует история, к которым прибегает исторический разум. Трудно, очень трудно очеловечить государство, которое есть любимое создание истории. И вместе с тем человек не может выпасть из истории, не может отстранить от себя историческую судьбу. Индусское религиозное и философское сознание отстраняет от себя историю, оно антиисторично. Но жизнь индусского народа от этого не была более счастливой. Он жил в страшной бедности и скудости и в страшной социальной неправде, в кастовом строе, в котором парии не считались людьми. Христианство исторично, оно признает смысл истории и оно действует в истории. В истории произошло боговоплощение. Но христианство, будучи силой исторической и делая христианские народы историческими, никогда не могло реализовать себя в истории. Объективация христианства находится под знаком всякой объективации. Объективированное в истории христианство делается социальным феноменом со всей ограниченностью и относительностью социальных феноменов, оно подчиняется социальной обыденности. Христианство принимает историю, действует в истории, и оно сталкивается с историей, и нельзя узнать его духа в исторической объективации. Для христианства в известном смысле всякая человеческая душа более значит и более стоит, чем вся история со своими империями, войнами, расцветами цивилизаций, переворотами. И потому неизбежен срыв истории и суд над историей.

Никогда еще не чувствовался и не сознавался с такой остротой конфликт человека и истории, противоречия истории, как в наше время, никогда еще человек не был так незащищен от процессов, происходящих в истории, и никогда не был так ввергнут в историю, так выброшен вовне, так объективирован и так социализирован. И ни один человек в нашем обществе не изъят из сферы угрожающего ему исторического свершения, нет более в этом отношении привилегированных групп людей, происходит уравнивание перед фатумом истории. Человек подвергается угрозе, что у него ничего не останется для себя, для своей личной, интимной жизни, никакой свободы его духовной жизни, его творческой мысли. Он оказывается ввергнут в жизнь огромных коллективов и подчиняется нечеловеческим приказам. От человека требуют, чтобы он все без остатка отдал обществу, государству, классу, расе, нации. В этом отношении мировая война и следующие за ней революционные процессы имеют метафизическое значение в судьбе человека. Происходит потрясение в

самых первоосновах человеческого существования. Мировая война была обнаружением накопившегося в человеческом существовании зла, накопившейся злобы и ненависти. Она объективировала зло, которое раньше оставалось прикрытым, пребывало как бы в субъективном, а не в объективном. Война обнаружила лживость нашей цивилизации. Она мобилизовала все силы человека для объективированного и социализированного действия, не доброго, а злого. Все для войны. Война сама по себе была уже и своеобразным коммунизмом, и своеобразным фашизмом. Она страшно обесценила человеческую жизнь, приучила ставить ни во что человеческую личность и ее жизнь, рассматривать ее как средство и орудие фатума истории. И после войны человек остается мобилизованным, он продолжает исполнять воинскую повинность, он выброшен вовне, в общество, в государство, в национальность, в класс, в объективированный мир, и ему не позволено оставаться в себе, в своем внутреннем существовании, изнутри определять свое отношение к миру и людям. И что самое поразительное, так это что человек в молодых послевоенных поколениях получил к этому вкус, он не чувствует себя насилуемым, он сам жаждет насиловать в этом направлении. Война воспитала насильников. Выпущенные на свободу демоны ненависти и человекоубийства продолжают действовать в мире. Мы увидим, что в происходящих процессах огромную роль сыграла не только война, но сила гораздо более длительная, имеющая почти космическое значение, - техника и технизация жизни. Война обозначила грань, за которой начинается новая форма коллективного человеческого существования, обобществление человека. Существенно не то, что происходит процесс обобществления и национализация собственности и экономики, это элементарно необходимо и справедливо. Существенно то, что происходит обобществление и национализация самого человека, человеческих душ. Этот процесс начался в капитализме, в капиталистической индустрии. Обуржуазивание человека, с одной стороны, пролетаризация его, с другой стороны, были смертоносны для личности, для личного существования. Капитализм есть прежде всего антиперсонализм, власть анонимности над человеческим существованием, он обращается с человеком, как с товаром. Все согласны с тем, что война была обнаружением небратского отношения человека с человеком, общности людей, их страшной разъединенности при внешней сцепленности в железной дисциплине. Но и без великой войны буржуазно-капиталистический мир был отрицанием всякого братства, общности, соединенности людей. Человек человеку волк. Жизнь в капиталистическом

мире - волчья жизнь. Война обнаружила, что нет никакой общности и соединенности людей, кроме прикованности их друг к другу в казарменной дисциплине. Она обнаружила, как поверхностен был процесс гуманизации и как малочисленны были слои, им действительно захваченные. В мировой войне выступали огромные организованные коллективы, под которыми шевелится хаос. Мировая война была уже судом над историей, имманентным судом над ней. Она была беспощадным низвержением иллюзий, величайшим разочарованием в идеалистическом понимании истории, во всех возвышенных идеях.

2

Обнаружились первореальности, скрытые под покровом цивилизации, реальности оголенные. Окончательно пошатнулась вера в человека, которой еще жил XIX век. Вера в Бога пошатнулась еще раньше. Одно последовало за другим. Пал гуманистический миф о человеке. И под человеком развернулась бездна. Волчья жизнь в капиталистическом обществе не могла поддерживать и питать веру в человека. Человек, сам человек ставится ни во что. Хозяйство, которое должно питать человека, было не для человека, человек был для бесчеловечного хозяйственного процесса. Война только договорила, что человек ставится ни во что, что он перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще какой-либо ценностью. И все почти движения, которые после войны направлены против капитализма, усвоили себе то же отношение к человеку, которое было в самом капитализме и в войне. Это и есть самый характерный процесс нашего времени. Человек не в силах удержать себя, защитить свою ценность, найти внутреннюю точку опоры, и он хватается, как за якорь спасения, за коллективы, коллективы коммунистические или национально-расовые, за государство, как земной абсолют, за организацию и технизацию жизни. Человек потерял свою целостность, разорвался на клочья. Из войны вышли на арену истории человеческие коллективы, массы, которые выпали из органического строя и лада жизни, утратили религиозную санкцию своей жизни и требуют принудительной организации, чтобы не наступил окончательный хаос и распад. Прежняя органическая, полурастительная жизнь масс стала невозможной. Все старые религиозные санкции власти, державшие огромные массы в органическом порядке, исчезли, в них не верят более. Всякий старый авторитет власти окончательно уничтожен в современном мире. И это не есть только процесс отрицательный, через него должен пройти человек, чтобы окончательно стать на ноги, актуализировать свои силы. Но замеча-

тельно то, что при полном падении всякой религиозной санкции власти мы живем в очень авторитарную эпоху. Тяга к авторитарному строю жизни обнаруживается во всем мире, либеральное начало дискредитировано окончательно. Но санкция начала авторитета и авторитарного строя сейчас иная, чем была прежде. Авторитет рождается из новых коллективов, и эти новые коллективы наделяют своих вождей еще более абсолютной властью, чем в старых священных монархиях. Зашевелился хаос внутри истории. Но источник хаоса не только в природе, где его прозревал Тютчев*. Хаотическое начало есть и в истории. В истории есть процесс рационализации, но есть и сильное иррациональное начало. Захлестнутый хаосом истории, окруженный бушующими иррациональными силами, пораженный историческим фатумом - человек соглашается перейти в сферу нечеловеческого существования, он выталкивается из человеческого существования. Война была катастрофическим моментом в обнаружении того хаоса, который шевелился под лживой капиталистической цивилизацией. Война была принудительно организованным хаосом. Хаос может иметь обличье совершенной внешней организованности. И после войны человек не только согласен, но и хочет жить в принудительно организованном хаосе, хаосе, выражающем себя в авторитарном строе жизни. Ненависть и злоба, терзающая мир, есть хаос. Организованность, которая в своей душевной подпочве не только допускает, но и экзальтирует ненависть и злобу, не может победить хаоса. Реальная победа над хаосом требует усилий духа, духовного переворота и духовного возрождения, она опирается не на фатум истории, не на темные иррациональные силы, а на человеческую свободу и на благодатные Божьи силы. Но в современных мировых течениях не действуют ни силы свободы, ни силы Божьей благодати. В них обнаруживается страшная покинутость человека. Огромные массы человечества зашевелились и пришли к активной власти в момент потери религиозных верований и отпадения от христианства. В этом весь трагизм положения.

3

Все, что происходит сейчас в мире, родилось не из радостного творческого избытка, а из глубокого несчастья человека, из чувства безнадежного отчаяния. Это более всего нужно сказать про национально-социалистическое движение в Германии. Энтузиазм национал-социалистической молодежи, который, по-видимому, действительно существует, носит патологический характер и скорее напоминает впрыскивание камфоры, чем весну народной жизни. Немецкий народ находится в состоянии коллективного безумия от

пережитого унижения и несчастья. Но и русский коммунизм, явление другого рода, хотя и очень схожее в смысле социальной морфологии, не от радости и не от избытка сил родился, а от несчастья войны, от несправедливостей прошлого. Во всех революциях есть, в сущности, этот элемент пережитого несчастья и болезненного *ressentiment*[3], который искажает их образ. Масса вообще очень легко поддается внушению и приходит в состояние коллективной одержимости. Массы бывают одержимыми лишь идеями, которые допускают простую и элементарную символику. Стиль, характерный для нашего времени. Искание вождя, который поведет за собой массы и даст избавление, разрешит все вопросы, означает, что все классические авторитеты власти, авторитеты монархий и демократий пали и необходима замена их новыми авторитетами, порожденными коллективной одержимостью масс. Вождь должен дать хлеба и зрелищ. Он обыкновенно дает больше зрелищ, чем хлеба. Гитлер пока почти исключительно питает зрелищами, его политика есть постановка опер Р. Вагнера. Он, впрочем, питает также ненавистью. И поразительно, что ненависть может на некоторое время заменить хлеб, ею могут жить люди, хотя и не слишком долго. Зрелища преобладают над хлебом и в коммунистической России. И там также пробуют питать ненавистью, поэтому так необходим враг, так необходимы вредители. Расизм хуже коммунизма в том отношении, что в его идеологию входит вечная ненависть, коммунизм же утверждает ненависть как путь, как метод борьбы, но конечный его идеал не предполагает ненависти. Искание вождя означает падение демократии и переход к цезаризму, явлению, уже знакомому в прошлом. Цезаризм - не классическая политическая форма, в нем есть элемент упадочности. Цезаризм всегда означает конец эпохи, неизбежность перехода к новому миру. Но-все, что сейчас происходит, есть более чем конец исторической эпохи, есть суд над историей. Именно в наше время настолько выявились результаты длительного исторического процесса, что стал возможен и неизбежен суд над историей, над ее неудачей. Эти результаты обнаружили в жизни национальной, политической и экономической, они обнаружили и в духовной культуре, в литературе, в философии, ибо и там пошатнулся образ человека, и там разлагается целостность человеческого существования. И над всем царствует только одна положительная, созидательная сила - сила техники. Человек переходит в новый космос. Все элементы нашего времени были уже в прошлом, но эти элементы обобщаются, универсализируются и окончательно выявляются. Именно в наши дни агонии мира остро чувствуется,

что мы живем в падшем мире, разодранном непреодолимыми противоречиями. И замечательно, что сознание падшести мира сопровождается не усилением, а ослаблением сознания греховности. Сознание падшести мира очень сильно у Гейдеггера в его философии, или у Фрейда, или у Селина, автора замечательного романа "Voyage au bout de la nuit"*, но у них не видно сознания греховности. Падшесть мира открывается во всей современной литературе, в философской мысли, в жизни социальной и политической. Нет ничего более безумного, чем современная экономическая жизнь с ее кризисами, перепроизводством, безработицей, властью банков, властью бумажных фикций. Нет ни материальной, ни духовной безопасности жизни, нет больше ни для кого никаких гарантий. Обнаружилось, что мы живем в мире преступления и в мире фантазмов. Таков был мир и раньше, сейчас же это обнаружилось. Человек угрожаем со всех сторон и не знает, что будет завтра. Мыслители любят сейчас говорить о пограничном положении человека, об угрожаемости его со всех сторон (Тиллих, Ясперс). В этом нет ничего удивительного, ибо история, по-видимому, и не ставит себе задачи дать человеку гарантии его существования, сделать его жизнь защищенной. Она нуждалась в человеке, как в своем материале, но не признавала его своей целью. Ни в чем не выражается так падшесть мира, как в лживости нашей эпохи. Ложь перестает даже сознаваться как ложь, происходит перерождение сознания, при котором различие правды и лжи теряется. Мир переживает сейчас агонию, напоминающую конец мира античного. Но положение теперь еще более тяжелое, ибо тогда христианство вошло в мир как новая, молодая сила, теперь же христианство по человеческому своему возрасту старо, отяжелено длиной истории, в которой христиане много нагрешили и много совершили измен. И мы увидим, что суд над историей есть также и суд над христианством в истории. Молодежь всего мира ищет нового порядка, происходит мировая революция. Но не чувствуется радости рождения новой жизни. Тень легла на мир. Начался цикл исторических и космических катастроф и обвалов. Но именно для христиан это сознание не несет с собой отчаяния и не должно мешать осуществлять в жизни правду, служить истине. Происходит возврат к истокам и к глубине. Христианство не есть оптимизм, но пессимизм христианский может быть лишь относительным, ибо за миром бессмыслицы христианство прозревает смысл. Суд над историей есть голос смысла и предполагает смысл. Внутренний Апокалипсис истории есть изблечение последствий того, что в истории не осуществляется Царство Божье, т. е. Смысл.